

Оригинальная статья / Original article

УДК 81.373.47

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-4-18-30>

К проблеме формирования теоретико-методологической базы правового перевода в языковой паре китайский - русский

Ван Лу¹✉

¹Московский государственный лингвистический университет
ул. Остоженка, д. 38/1, г. Москва 119034, Российская Федерация

✉ e-mail: W-luluer@yandex.ru

Резюме

В работе рассматриваются различные подходы к изучению правового перевода и соответствующие им исследовательские концепции.

Цель исследования – выявить существенные отличия между разными исследовательскими подходами, сопоставить семантические особенности терминологических единиц на китайском и русском языках, обосновать трансформационную теорию как наиболее эффективную теоретико-методологическую базу правового перевода, показать прагматическую эффективность формально-семантических преобразований как способов достижения адекватности перевода.

Методы. Для создания обзора исследований правового перевода применяются общенаучные методы синтеза, анализа и сравнения. Сопоставительный анализ терминологических единиц на исследуемых языках осуществляется с использованием дефиниционного анализа, компонентного анализа.

Результаты. Рассмотрены лингвистический и коммуникативно-функциональный подходы по ключевым параметрам. Охарактеризованы основные исследовательские аспекты изучения правового перевода. Результаты сопоставления юридической лексики в разных лингвокультурах показывают, что неэквивалентность понятий обуславливается расхождением языковой специфики, несоответствием понятий по юридической дефиниции и наличием культурно-специфичных компонентов. Эффективность применения трансформационной концепции в правовом переводе подтверждена.

Заключение. Делается вывод о необходимости учета специфичных характеристик переводимого материала для выбора переводческого подхода. Доказывается, что в связи с расхождением словообразовательных характеристик и грамматических правил употребления юридической лексики сопоставленных языков, а также в силу несовпадения юридических дефиниций в разных системах прав, для точной передачи содержания правового текста необходимо применение алгоритмичных переводческих операций, которые осуществляются в рамках трансформации.

Ключевые слова: правовой перевод; теория перевода; юридическая терминология; китайский язык; переводческая трансформация; сопоставительная лингвистика.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Ван Лу. К проблеме формирования теоретико-методологической базы правового перевода в языковой паре китайский - русский // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2024. Т. 14, № 4. С. 18-30. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-4-18-30>.

Статья поступила в редакцию 10.10.2024

Статья подписана в печать 29.10.2024

Статья опубликована 17.12.2024

© Ван Лу, 2024

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика / Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics. 2024;14(4):18-30

To the problem of formation of the theoretical and methodological basis of legal translation in the Chinese-Russian language pair

Wang Lu¹✉

¹Moscow State Linguistic University
38/1 Ostozhenka Str., Moscow 119034, Russian Federation

✉ e-mail: W-luluer@yandex.ru

Abstract

This paper examines different approaches to the study of legal translation and their corresponding research concepts.

The purpose of the study is to identify the essential differences between different research approaches, to compare the semantic features of terminological units in Chinese and Russian, to substantiate the transformation theory as the most effective theoretical and methodological basis of legal translation, to show the pragmatic effectiveness of formal-semantic transformations as a way to achieve translation adequacy.

Methods. The general scientific methods of synthesis, analysis and comparison are used to create an overview of legal translation research. Comparative analysis of terminological units in the languages under study is carried out using definitional analysis, component analysis.

Results. The linguistic and communicative-functional approaches in terms of key parameters have been considered. The main research aspects of the study of legal translation have been characterised. The results of the comparison of legal lexicon in different linguocultures show that non-equivalence of concepts is caused by the divergence of linguistic specificity, inconsistency of concepts according to the legal definition and the presence of culturally specific components. The effectiveness of applying the transformational concept in legal translation has been confirmed.

Conclusion. It is concluded that it is necessary to take into account the specific characteristics of the material to be translated in order to choose a translation approach. It is proved that due to the divergence of word-formation characteristics and grammatical rules of use of legal lexicon of the compared languages, as well as due to the mismatch of legal definitions in different systems of law, it is necessary to apply algorithmic translation operations, which are carried out within the framework of transformation, in order to accurately convey the content of a legal text.

Keywords: legal translation; translation theory; legal terminology; Chinese language; transformation of translation; comparative linguistics.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Wang Lu. To the problem of formation of the theoretical and methodological basis of legal translation in the Chinese-Russian language pair. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2024; 14(4): 18–30 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-4-18-30>.

Received 10.10.2024

Accepted 29.10.2024

Published 17.12.2024

***

Введение

Теоретико-методологические основания правового перевода, представленные в современных исследованиях, многообразны и демонстрируют разные исследовательские концепции [1, 2], сформированные как внутри существующих научных парадигм, так и на их пересечении [3] (Львовская, 2008), а также с при-

влечением данных других дисциплин [4] (Зимняя, Ермолович, 1981; Сорокин, 2003). Современное состояние правового перевода требует осмысления накопленного исследовательского опыта, что позволит не только осознать сильные и слабые стороны существующих концепций, но и повысить эффективность переводческой практики. Поэтому цель данной работы – выявить, кратко описать и сравнить ос-

новые теоретические концепции в рамках заявленной проблематики *по характеру использования переводческой трансформации* как способа передачи специфики переводимой юридической лексики.

Результаты и обсуждения

Основные подходы и исследовательские аспекты в изучении правового перевода

Разные подходы к научному осмыслению способов и приёмов перевода вырабатываются в зависимости от понимания сущности перевода, поэтому исследователи выделяют различные параметры сопоставления возможных переводческих версий, качественные и количественные: характер объекта, сопоставление языковых единиц, функции речевого произведения, культурные факторы и т.д. При этом обоснованное использование методов других дисциплин – психологии, лингвокультурологии, лингвострановедения и др. – в изучении переводческой деятельности углубляет представления о содержании переводимого текста и, следовательно, расширяет диапазон выбора стратегий перевода.

В фундаментальном переводоведении выделяется два основных теоретико-методологических подхода к переводу, направленных на более точную передачу исходного текста: лингвистический, или текстоцентрический [2] и коммуникативно-функциональный, первый характеризуется опорой на сопоставление языков, второй – ориентацией на коммуникативное взаимодействие. Кроме того, отдельные аспекты перевода (сохранение ментальной специфики, соблюдение социальных норм, восприятие речевого высказывания и т.д.) рассматриваются с учетом междисциплинарных знаний лингвокультурологического, социолингвистического, психологического и др. характера. Лингвокультурологический подход к тексту позволяет выявлять элементы национальной культуры и культурного опыта, отраженные в языке, с целью «понимания значения культурного барьера и его нейтрализации в переводе» [5,

с. 176]. Акцентируя важность учета при переводе знаний социолингвистического характера, А.Д. Швейцер выделяет три стороны перевода: а) перевод как социально детерминированный коммуникативный процесс; б) социальная норма перевода; в) перевод как отражение социального мира [4]. В. Н. Крупнов полагает, что «психологический подход к переводу ориентирует на исследование самого процесса перевода, на изучение человеческого компонента в переводе, на анализ психологии выбора переводчиком тех или иных решений в трудных ситуациях» [6, с. 25] (курсив наш. – В.Л.). Перечисленные и другие подходы образуют множество вариантов концепций, по-разному определяющих роль конкретных способов и приемов перевода, однако большинство из них сходится в том, что для интерпретации переводческого события важны не только лингвистические, но и экстралингвистические факторы. Так, в рамках коммуникативно-функционального подхода эта основополагающая идея реализуется в понимании перевода как речевой деятельности, осуществляемой субъектом в определенных речевых и культурно-исторических условиях с заданной целью; при этом категорически отрицается так называемый буквальный перевод как формалистический. Поэтому исследование перевода строится на основе моделируемой коммуникативной ситуации, в которой акцентируется цель коммуникации и взаимодействие коммуникантов. Например, В. В. Сдобников рассматривает перевод как «речевую деятельность переводчика по созданию текста на ПЯ с опорой на текст на ИЯ, результат которой призван обеспечить успешную предметную деятельность инициатора перевода и / или коммуникантов в соответствии с целью перевода в данной коммуникативной ситуации» [2, с. 46]. Исходя из позиции ученого, в переводческой деятельности можно выделить три основных определяющих её фактора, находящихся в последовательной зависимости: 1) потребности инициа-

тора перевода, 2) цель осуществления перевода, 3) стратегия перевода, содержащая в себе переводческие операции. Но текст перевода как результат такой переводческой деятельности оказывается в высокой степени вариативным в силу значительного воздействия первого и второго факторов: каждый переводчик обладает собственной картиной мира и представлением о переводческой деятельности; характер его работы существенно зависит от потребностей заказчика перевода (однако его восприятие и понимание текста может вступать в противоречие с требованиями заказчика), а стратегии перевода формируются в зависимости от уровня профессиональной компетенции, психических характеристик личности и многих других факторов. Это делает выбор переводческих стратегий процессом едва ли формализуемым и принципиально неалгоритмичным.

Поэтому культурное знание, которым владеет переводчик, превращает перевод, по мнению одного из создателей скопос-теории Ганса Фермеера, в культурный *процесс*, а перевод не является перекодированием исходного текста на язык перевода: перевод как вид коммуникации Г. Фермеер называет «культурно-чувствительным» (*culture sensitive*) [7, с. 37-49], т.е. во многом определяемым содержанием лингвокультуры.

Поэтому в коммуникативно-функциональном подходе широко используется способ *адаптации*, или приспособления текста перевода к культурно-ситуативным условиям с целью достижения равенства коммуникативного эффекта в ИТ и ПТ. Способ адаптации в этом случае призван решить межкультурные проблемы, возникающие при столкновении разных лингвокультур, и превратить столкновение во взаимодействие.

Лингвистический подход (лингвистическая теория перевода), возникший в начале 20 века в результате бурного увеличения количества международных контактов и беспрецедентного развития языкознания с появлением сопоставительной

лингвистики, является описательным. Объект лингвистической теории перевода – *посредническая* деятельность переводчика (ее процесс и результат) в рамках межъязыковой коммуникации. При таком понимании сущности переводческой деятельности большое внимание уделяется анализу единиц перевода. Основоположник подхода А. В. Федоров считает основой теории перевода системное представление о языке, подчеркивая необходимость и значимость установления закономерных связей между подлинником и текстом перевода [1]. В рамках лингвистического подхода разрабатывается общая (универсальная) теория перевода, не зависящая от конкретных форм и видов перевода, особенностей материала и комбинации языков. Вместе с тем основоположники подхода и его сторонники вполне понимают, что главное методологическое требование может быть ограничено рядом факторов. Для нас очень важно следующее положение А.В. Федорова: «То, что, например, может быть признано точным и правильным в переводе научного или делового текста, допускающего обороты книжно-письменной речи, легко может оказаться неуместным и неверным в переводе произведения художественной литературы, где полноценность перевода часто достигается путем отступлений от более дословной передачи, и наоборот» [1, с. 272-273]. Таким образом, А. В. Федоров подчеркивает, что, помимо значимости собственно лингвистического сопоставительного анализа элементов отдельных языковых уровней «с учетом широкого контекста», необходимо учитывать и иные текстовые характеристики, в частности жанрово-стилистические.

По мнению В.Н. Комиссарова, именно сопоставление текстов как основы изучения перевода позволяет выводить общие переводческие закономерности, не зависящие от уровня квалификации и индивидуальных особенностей переводчика. Ученый выделяет некоторые заимствованные из лингвистики методы, служащие такому сопоставлению: компо-

нентный анализ, метод трансформационного анализа и метод статистических подсчетов. Предполагается, что с помощью этих методов, имеющих алгоритмический характер, исследователь получает знание о переводческих закономерностях [3].

Мнение об алгоритмичности процесса получения таких закономерностей не абсолютно даже в пределах лингвистической парадигмы. Так, В. Я. Задорнова, отвечая на этот вопрос, пишет, что, во-первых, эти закономерности должны выводиться из эмпирического опыта, но быть теоретически осмыслены и обоснованы¹. Здесь, как представляется, исследователь выходит за границы традиционного (системного-структурного) понимания единиц языка, демонстрируя, скорее, близость к психолингвистическому разделению элементов и единиц языка, предложенному в работах А.А. Леонтьева. Под единицей языка А.А. Леонтьев предлагал понимать функциональное образование, направленное на выражение цели речевой деятельности, а элементом называл традиционно выделяемые при таксономическом подходе к системе языка единицы [8]. Наше понимание позиции В. Я. Задорновой подкрепляется тем, что исследователь считает: самая адекватная версия перевода осуществляется путем синтеза и сопоставительного анализа имеющихся переводческих решений, которые представляют собой непосредственно наблюдаемую реальность. Поэтому, как показывает приведенный пример, в рамках лингвистической концепции возникают варианты ее толкования, связанные с осознанием принципиальной вариативности перевода одного и того же текста.

В западном переводоведении лингвистический подход к переводу на первый план выдвигает принцип *эквивалентности* [9], который в российском переводоведении также называют *равно-*

ценностью, что раскрывает цель переводческой деятельности. Поскольку эквивалентность предполагает сопряжение разных свойств перевода, исследователи часто используют уточняющие термины. Так, Ю. Найда, предложил понятие *динамичной эквивалентности*, позднее замененное на *функциональную эквивалентность* [10].

Как правило, лингвистический подход, ставя целью достижения эквивалентности перевода, сосредоточен на типичных лексических и грамматических закономерностях и не учитывает влияния внеязыковых факторов на характер перевода. Вместе с тем в работах теоретиков лингвистического подхода часто упоминаются и даже акцентируются прагматические аспекты переводческой деятельности. Так, В. Н. Комиссаров писал: «... переводчик должен четко представлять, для чего и для кого он переводит, какую задачу будет выполнять создаваемый им текст, как и кем этот текст будет использован» [3, с. 357].

При всей неоднократно отмеченной исследователями ограниченности лингвистического подхода, структурно-содержательное сопоставление ИЯ и ПЯ, на наш взгляд, позволяет строить работу переводчика, пользуясь объективными языковыми фактами. Ведь всякого рода рассуждения о том, как отразилось в переводе содержание подлинника, будут беспредметны без анализа специфики языковых средств, представляющих содержание исходного текста. Практическая необходимость учитывать междисциплинарное знание в процессе перевода не меняет специфики собственно лингвистического подхода к переводческой деятельности.

Резюмируем существенные различия двух основных подходов к построению теории перевода по трем параметрам: сущность переводческой деятельности, ее назначение и методы реализации.

Суть переводческой деятельности. Лингвистическая теория рассматривает перевод как *процесс* сопоставления еди-

¹ Задорнов В.Я. Филологические основы перевода поэтического произведения: дис. ... канд. филол. наук. М., 1976. 19 с.

ниц в переводческой паре языков, в котором достигается возможно высшая степень их семантического совпадения. Стронники коммуникативно-функционального подхода рассматривают переводческую деятельность как *целенаправленную*, поэтому принципиально неалгоритмическую, вариативную.

Цель переводческой деятельности. С точки зрения лингвистического подхода важно достичь точного воспроизведения содержания исходного текста. В рамках коммуникативно-функционального воспроизведение содержания существенно зависит от культурно-исторических факторов, начиная от запроса заказчика и заканчивая культурно-социальным контекстом.

Методы перевода. Поскольку стронники двух подходов исходят из разных лингвистических постулатов, лингвистическая теория считает эффективным методом для достижения эквивалентности *межъязыковые преобразования*; коммуникативно-функциональная – *адаптацию* оригинала к определенным условиям, в которых осуществляется перевод.

Мы полагаем, что оба теоретические подхода могут быть использованы в переводческой практике, во многом зависящей от: 1) характера переводимого текста, 2) специфики соотношения языковых пар, 3) задач перевода, обуславливающих его форму и отчасти содержание. Так, с одной стороны, коммуникативно-функциональный подход эффективен с точки зрения изучения прагматики перевода, учитывающей «закрепленное в языковой единице отношение говорящего: 1) к действительности, 2) к содержанию сообщения, 3) к адресату» [11, с. 136], с другой – «теория перевода должна строиться как особая отрасль макролингвистики» [12, с. 38-39], что позволяет выстроить эффективную переводческую практику, например, при переводе официальных документов.

Обращаясь к работам, посвященным проблематике юридического перевода, мы обнаруживаем, что в современных

исследованиях русских ученых доминирует лингвистический подход (Иконникова, 2005; Некрасова, 2013; Томсон, 2015). Это определяется тем, что юридический перевод – вид специального перевода, на котором сосредоточилось теоретическое внимание исследователей во второй половине 20 века, что обусловлено расширением контактов разных стран, в том числе официальных. Именно исследование специального перевода позволило установить, что «большая часть трудностей, возникающая при (специальном. – В.Л.) переводе, обусловлена расхождениями в структурах и правилах функционирования пары языков, участвующих в переводе» [13, с. 72].

Изучение специфики правового (юридического) перевода осуществляется, как правило, в рамках лингвистической теории перевода, поскольку ее базовый принцип – полное воспроизведение содержания и точная передача информации исходного текста. Но этого оказывается недостаточно, поскольку содержание правовых документов, принадлежащих разным лингвокультурам, приводит к необходимости выхода за рамки исследования собственно структурных отношений единиц ИЯ и ПЯ. Поэтому С.П. Хижняк предлагает *междисциплинарный подход* к изучению юридического перевода: «специфика права как научной и практической деятельности, *национально-культурная маркированность терминов права*, а также модификация идей переводоведения, обусловленная интегративным характером современной постнеоклассической научной парадигмы в целом, ставят перед теоретиками и практиками в области перевода новые задачи» [14, с. 20] (курсив наш. – В.Л.).

К культурным факторам, существенно влияющим на характер перевода, относятся государственное устройство, законодательная система, социальная идеология, духовные ценности и др., кроме того, следует учитывать, что юридический перевод зависит и от международного правового дискурса. Это делает не-

обходимым взаимодействием лингвистического и культурологического подходов (Некрасова, 2013). И такое взаимодействие приводит к актуализации ряда вопросов: соотношение языка и права, язык и язык права, специфика профанизации языка права и юридизации обыденного языка и прочее. Эти вопросы в современной науке активно исследуются в юрлингвистике и лингвоюристике, разграничение которых детально аргументировано в работах Н. Д. Голева: юрлингвистика изучает юридические аспекты языка с целью выяснения особенностей функционирования языка в условиях воздействия правовой системы, обусловленного социальными потребностями общества, а лингвоюристика – лингвистические аспекты права для раскрытия способов описания и толкования юриспруденции в юридической коммуникации (Голев, 1998; Голев, 1999; Голев, 2004). Рассматривая юридический перевод, юрлингвисты уделяют определенное внимание выявлению особенностей юридического текста [15] и установлению его типологической классификации (М.М. Мушнина, 2004).

Некоторые ученые также видят определенные перспективы в изучении юридического перевода с позиций *антропоцентрического* подхода. Так, многие исследователи изучают представление юридической терминологии в сознании носителей языка (Малюкова, 2005; Воробьева, 2014). О. В. Барабаш, О. В. Мещерякова ставят вопрос о понимании и интерпретации терминов при юридическом переводе (Барабаш, Мещерякова, 2013).

Большинство работ, посвященных изучению юридического перевода, акцентирует специфику изучаемых текстов, и это принципиально для нашего исследования, поскольку перевод, не зависящий от типа переводимого материала, на наш взгляд, не является адекватным: учитывать назначение и особенности текста необходимо «для грамотной передачи элементов юридического текста с языка

на язык, не нарушающей сложившихся соответствий между правовыми системами стран языка оригинала и перевода» [15, с. 123].

Таким образом, изучение фундаментальных подходов в теории перевода позволяет сделать вывод о том, что эффективным будет такой перевод, который учитывает специфические характеристики переводимого материала в собственно языковом и культурно-историческом аспектах.

Специфика китайского и русского языка, обуславливающая перевод правовой терминологической лексики

Несмотря на разные теоретико-методологические подходы к изучению юридического перевода, ученые сходятся во мнении о том, что терминология является ключевым компонентом правовых текстов (Хижняк, 1997; Левитам, 2011). Ориентация на анализ терминологии в исследованиях правового перевода обусловлена тем, что: а) переводимый материал характеризуется частотным использованием терминов; б) в правовой лексике отражаются институционные особенности и иерархические отношения, специфичные для юридической системы страны ИЯ; в) необходимо акцентировать различия между юридическими терминами и обыденными словами, которые формально совпадают друг с другом. Мы подчеркиваем, что понимание, интерпретация и передача единиц специальной лексики решительно влияют на возможность достижения адекватности юридического перевода, и только при точном воспроизведении их содержания имеет смысл говорить о синтаксических, стилистических и прочих требованиях к переводу. Наш фокус исследования правового перевода – содержательная специфика юридической лексики в языковой паре китайский – русский и способы / средства её адекватного перевода.

Трудности перевода юридической терминологии во многом обусловлены «языковой природой термина», «специфическими характеристиками юридиче-

ского термина», расхождением объемов правовых понятий, «предаваемых терминами-аналогами», а также наличием единиц, «специфичных для одной терминосистемы» и «отсутствующих в другой» [16, с. 177-178].

Эти трудности проявляются и в переводе китайских административных законов на русский язык. Для выявления специфических характеристик переводимого мы сосредоточимся на терминологических единицах, демонстрирующих языковое расхождение между ИЯ и ПЯ, а также подчеркнем особенности юридической системы страны ИЯ, не имеющие аналогов в русской лингвокультуре.

Исследуемая терминология характеризуется специфичной аббревиацией, которая интерпретируется с помощью двух понятий: предмет (义类 [илэй], определяющий общие признаки) и признак (义象 [исян], определяющий дифференциальные признаки). Китайские лингвисты утверждают, что 义象 / исян (признак) играет более важную роль в механизме аббревиации, поэтому в большинстве случаев 义象 / исян сохраняется, а 义类 / илэй отбрасывается [17]. В китайской юридической терминологии наблюдается много случаев опущения лексических единиц: 证 [чэжн] / удостоверение, 书 [шу] / письмо, которые обозначают определенную категорию документов. Например, термин 许可 [сюкэ] / лицензирование может употребляться в значении 许可证 [сюкэ чжэн] / удостоверение о лицензировании (лицензия). В русском же языке слова *лицензирование* и *лицензия* как формально, так и семантически отличаются друг от друга. Опускается 书 [шу] / письмо в словосочетании 鉴定意见 [цзяньдин ицзянь] / экспертные мнения, исходная форма которого представляется собой 鉴定意见书 [цзяньдин ицзянь шу] / экспертные мнения в письменной форме (закключение эксперта). Поэтому при переводе китайских терминов на русский язык необходимо раскрывать формально опущенные единицы в ИЯ, которые се-

мантически важны для понимания термина, чтобы уточнить обозначаемый денотат.

Другого рода аббревиатуры образуются путем лексикализации предложений. Например, в сложном слове 因公致残 [иньгун чжицань] реализуется понятие, выражающее причинно-следственные отношения, в последовательности иероглифов 因 / причина, 公 / служба, 致 / вызвать и 残 / инвалидность. Эти отношения могут передаваться в русском языке только предложением. Китайское слово отображает синкретичное понятие: служащий (в т. ч. военный, полицейский, государственный, муниципальный) приобретает инвалидность, вызванную случайным событием или заболеванием при исполнении служебных обязанностей, на работе или по пути на работу или с работы¹. Подобного синкретичного понятия, представленного словом – производным, непроизводным, аббревиатурой и т.д. – в русском языке нет; в правовых актах РФ понятие выражается синтагмой: «получение сотрудником полиции в связи с выполнением служебных обязанностей увечья» (ч. 5 ст. 43 Закон о полиции). В этом случае отсутствие переводческого аналога термина обуславливается языковой спецификой, отражающейся в способах терминообразования.

Китайский правовед Сян Сяньшэн изучает термин 抚恤 [фусюй] / дословно: утешение и забота в юридическом дискурсе «对因战或因公致伤、致残和牺牲以及病故人员的家属给予物质上的帮助和精神上的安抚» [18, с. 80] / оказание материальной и психологической помощи членам семей раненых, увечных, погибших или умерших в боевых действиях или при исполнении служебных обязанностей. Исследователь отмечает философский принцип гуманности (жень) конфуцианства, содержащейся в анализируемом термине 抚恤, который отража-

¹ https://www.gov.cn/gongbao/2024/issue_11546/202408/content_6970971.html

ет иерархию власти и реализацию заботы «сверху вниз» (т. е. от надделенного более высокой степенью власти к подчиненному, от государства к гражданину) [18, с. 80]. В русском языке этому понятию соответствуют *пособие, выплата, пенсия* в зависимости от контекста, но все эти понятия, будучи материальной помощью в виде исключительно денежных средств, не могут охватывать объем понятия *抚恤*, предполагающего одновременно психологическую помощь, а также не могут передавать его специфичную культурную часть, закрепленную в специфической конфуцианской идее о государственном управлении. Таким образом, специфика правового перевода терминов китайского языка на русский определяется рядом факторов: а) спецификой терминообразования китайского языка; б) отсутствием аналогичного термина в системе права русской лингвокультуры; в) несовпадением объемов юридических понятий русского и китайского права; г) наличием культурно-специфичных семантических компонентов, включенных в смысловую структуру термина. Все эти факторы в полной мере демонстрируют неэквивалентность ряда понятий в китайской и русской юридической терминологии, что значительно затрудняет правовую переводческую деятельность.

Представляется, что значительную часть переводческих трудностей можно устранить на основе трансформационной концепции перевода, в основе которой лежат идеи порождающей грамматики Н. Хомского. В генеративной лингвистике термин *трансформация* был представлен как метод порождения поверхностных, языковых структур, состоявший в закономерном преобразовании ядерных, ментальных структур в поверхностные (трансформы). В трансформационной модели перевода, разработанной Ю. Найдой, предполагается полная эквивалентность между ядерными единицами ИЯ и ПЯ [10]. Это положение позволяет доказать переводимость текстов китайского языка на русский, несмотря на значи-

тельную типологическую разницу между двумя языками, а также определяет основания структурно-смысловых переводческих операций. В российском переводеведении под трансформациями понимаются «преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода» [19, с. 172-173]. Такое общее определение предполагает использование ряда конкретных лингвистических операций, ведущих к такому преобразованию. Аргументируя наши позиции, проведем анализ переводческого решения, которое демонстрирует прагматическое применение переводческой трансформации терминологических единиц:

Приведенный выше семантический анализ показывает, что слово *许可* в китайском языке может употребляться в значении *лицензирование* и *лицензия*. Для того чтобы выбрать адекватное переводческое соответствие, необходимо четко различать *понятия* «лицензирование» и «лицензия», представленные в их юридических дефинициях: согласно Федеральному закону «О лицензировании отдельных видов деятельности», *лицензия* представляет собой «специальное разрешение на осуществление конкретного вида деятельности»¹, здесь разрешение может быть истолковано либо как право на совершение чего-нибудь, либо как документ, удостоверяющий право [20, с. 527]; а *лицензирование* – «мероприятия, связанные с предоставлением лицензий, преобразованием..., приостановлением..., возобновлением или прекращением..., аннулированием..., контролем..., ведением..., а также с предоставлением...»². Сопоставим существенные признаки двух понятий на основе их дефиниций (табл. 1).

¹ О лицензировании отдельных видов деятельности: федер. Закон // Российская газета от 6 мая 2011 г. № 97, ст. 3.

² Там же.

Таблица 1. Компонентный анализ дефиниций лицензирование и лицензия**Table 1.** Component analysis of definitions licensing and license

Термин/Term	Семантические компоненты (семи)/Semantic components (semes)	
лицензия (= специальное разрешение)	<i>право индивида</i>	на совершение чего-либо
	<i>документ</i>	удостоверение о праве
лицензирование	деятельность <i>органов</i>	предоставление лицензий
		и др.

Предполагается, что значение терминологической единицы 许可 / лицензирование определяется контекстом.

Таблица 2. Пример адекватного перевода слова 许可 / лицензирование**Table 2.** An example of an adequate translation of the word 许可 / licensing

Исходный текст/The original text	Переводящий текст/Translating text
<p>人民法院受理公民、法人或者其他组织提起的下列诉讼：.....</p> <p>（三）申请行政许可，行政机关拒绝或者在法定期限内不予答复，或者对行政机关作出的有关行政许可的其他决定不服的：.....</p> <p>（ст. 12 Административный процессуальный кодекс КНР）</p>	<p>Народные суды принимают к своему производству следующие предъявленные гражданами, юридическими лицами или иными организациями иски: ...</p> <p>3) о несогласии с отказом административного органа в выдаче административного разрешения (<i>лицензии</i>), или с непредставлением административным органом в установленный законом срок ответа на ходатайство о выдаче административного разрешения (<i>лицензии</i>), или о несогласии с иными решениями административных органов, касающихся административного <i>лицензирования</i>; ...</p> <p>(перевод Огневой и Малинского¹)</p>

¹ *Примечание.* Административный процессуальный кодекс Китайской Народной Республики / перевод [с китайского] К.О. Огневой и А.А. Малинского. М.: Статут, 2019. 44 с.

В табл. 2 указано, что в первом контексте переводимое слово 许可 / лицензирование сочетается со словом 申请 [шэньцин] / ходатайство, исходя из чего можно определить субъект деятельности – индивид, и поэтому слово 许可 должно пониматься как лицензия (разрешение). Здесь прием *конкретизация* позволяет передать точную юридическую информацию. Словосочетание 申请行政许可 образуется из слов *ходатайство* и *административное разрешение (лицензия)*. С учетом норм ПЯ (в том числе управление глагола, сочетаемость слов), используя лексическое дополнение, это словосочетание можно развернуть как *ходатай-*

ство о выдаче административного разрешения (лицензии).

Кроме того, в отличие от китайского языка, в русском языке слова *отказ* и *ответ* требуют использования разных предлогов и существительного в разных падежах, так что их подчиненные части (словосочетание 申请行政许可) не могут быть объединены. Поэтому синтаксическая структура в исходном тексте преобразуется в две предикативные структуры ПЯ с использованием приема синтаксического членения, а также опускается слово *ходатайство* (申请) после слова *отказ* исходя из их семантической связи.

Во втором контексте четко указывается субъект осуществления юридическо-

го действия 许可 / лицензирования – административные органы, поэтому значение переводимого слова конкретизируется. Приведенный пример демонстрирует применимость переводческой трансформации к юридическому переводу на основе сопоставления семантически-структурной специфики китайского и русского языков

Выводы

Современное изучение правового перевода не поддерживает ни чисто лингвистический, ни чисто коммуникативно-функциональный подход, что обуславливается необходимостью учитывать специфические характеристики переводимого мате-

риала. С одной стороны, лингвистические методы, использование которых нацелено на преодоление типологических расхождений языков, дают возможность сопоставить терминологические единицы языков, поскольку юридические термины, занимающие центральное место в правовой лексике, семантически и прагматически строго определены. С другой стороны, это обусловлено расхождением правовых систем стран ИЯ и ПЯ, а также культурно-историческими факторами. В этих условиях формально-семантические преобразования как переводческие способы представляются нам эффективными, поскольку точно воспроизводят содержание китайской правовой лексики.

Список литературы

1. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). М.: Изд. дом «Филология три», 2002. 416 с.
2. Сдобников В.В. Перевод и коммуникативная ситуация. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 461 с.
3. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2001. 424 с.
4. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
5. Тимко Н.В. Фактор «культура» как переводческая проблема и способы его нейтрализации // Знание. Понимание. Умение. 2010. №4. С. 175-180. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=ncbxjl>.
6. Крупнов В.Н. В творческой лаборатории переводчика: Очерки по профессиональному переводу. М.: Международные отношения, 1976. 192 с.
7. Vermeer H.J. Is translation a linguistic or a cultural process // *Ilha do Desterro: A Journal of English Language, Literatures in English and Cultural Studies*. 2008. P. 37-49. URL: <https://www.researchgate.net/publication/49617675>.
8. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. 214 с.
9. Catford J.C. *A Linguistic Theory of Translation: An Essay in Applied Linguistics*. London: Oxford University Press, 1965. 103 p.
10. Nida E.A. *Toward a Science of Translating*. Leiden, 1964. 331 p.
11. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). Изд. 2., испр. и доп. М.: Языки русской культуры, 1995. 481 с.
12. Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
13. Ивлева А.Ю., Свойкин К.Б. Категория эквивалентности в отечественном и западном переводоведении // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. №3. С. 71-77. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30779762&ysclid=m1xfenypd96562033>.

14. Хижняк С.П. Юридический перевод как вид специального перевода // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2022. №3. С. 20-30. <https://doi.org/10.15593/2224-9389/2022.3.2>.
15. Киндеркнехт А.С. Особенности перевода юридических текстов // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. №5. С. 123-127. URL: <https://www.researchgate.net/publication/283496533>.
16. Левитан К.М. Методика и техника юридического перевода // Актуальные вопросы преподавания иностранного языка, межкультурной коммуникации и переводческих дисциплин в вузе: сборник статей международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов и студентов вузов (Екатеринбург, 28 ноября 2012 г.). Екатеринбург: УрФУ, 2012. С. 174-181. URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/87107>
17. 田赞宗, 肖九根. 汉语缩略语的构成方式及缩略机制. // 江西师范大学学报 (哲学社会科学版), 2006,39(6): 36-41. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1000-579X.2006.06.007>. Тянь Юньцзун, Сяо Цзюгэнь. Способы сложения китайских аббревиатур и механизм аббревиации // Вестник Цзянсийского педагогического университета. Философские и социальные науки. 2006. Вып. (06). С. 36-41. (по Кит.).
18. 项显生. 我国伤残抚恤申请程序之研究. // 河南社会科学, 2011,19(6): 80-82. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1007-905X.2011.06.018>. Сян сяньшэн. Анализ процедуры подачи заявления на получение пособия по инвалидности в Китае // Социальные науки Хэнаня. 2011. Вып. 19(06). С. 80-82. (по Кит.).
19. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
20. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: Изд. АСТ: Изд. «Мир и Образование», 2024. 736 с.

References

1. Fedorov A.V. Foundations of general theory of translation. Linguistic issues. Moscow, Filologia tri; 2002. 416 p. (In Russ.).
2. Sdobnikov V.V. Translation and Communicative Situation. Moscow: Flinta: Nauka; 2015. 461 p. (In Russ.).
3. Komissarov V.N. Modern translation theory. Moscow: ETS; 2001. 424 p. (In Russ.).
4. Svejtsjer A.D. Translation theory: Status, problems, aspects. Moscow: Nauka; 1988. 215 p. (In Russ.).
5. Timko N.V. Factor «culture» as a translation problem. The major solutions. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill.* 2010;(4):175-180. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=ncbxjl>. (In Russ.)
6. Krupnov V.N. In the translator's creative laboratory: Essays on professional translation. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 1976. 192 p. (In Russ.).
7. Vermeer H.J. Is translation a linguistic or a cultural process. *Ilha do Desterro: A Journal of English Language, Literatures in English and Cultural Studies.* 2008:37-49. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/49617675>.
8. Leont'ev A.A. Language, speech, speech activity. Moscow: Prosveshchenie; 1969. 214 p. (In Russ.).
9. Catford J.C. *A Linguistic Theory of Translation: An Essay in Applied Linguistics.* London: Oxford University Press; 1965. 103 p.
10. Nida E.A. *Toward a Science of Translating.* Leiden; 1964. 331 p.

11. Apresyan Y.D. The lexical semantics (synonymic means of language). 2nd ed., Rev. and add. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; 1995. 472 p. (In Russ.).
12. Barkhudarov L.S. Language and translation (issues of general and particular theory of translation). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 1975. 240 p. (In Russ.).
13. Ivleva A.Yu., Svoikin, K.B. Category of equivalence in Russian and western theory of translation. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya. = Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology.* 2017;(3):71-77. (In Russ.). Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30779762&ysclid=m1xfenyppd96562033>.
14. Khizhnyak S.P. Legal translation as a type of special translation. *Vestnik PNIPU. Problemy yazykoznanija i pedagogiki = PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin.* 2022;(3):20-30. (In Russ.). <https://doi.org/10.15593/2224-9389/2022.3.2>
15. Kinderknekht A.S. Specific issues in legal translation. *Uchenye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = Scientific notes of Orel State University. Philological science.* 2015;5(68):123-127. (In Russ.). Available at: <https://www.researchgate.net/publication/283496533>.
16. Levitan K.M. Methodology and technique of legal translation. In: *Aktual'nye voprosy prepodavaniya inostrannogo yazyka, mezhkul'turnoj kommunikacii i perevodcheskih disciplin v vuze: sbornik statej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii prepodavatelej, aspirantov i studentov vuzov = Actual issues of teaching a foreign language, intercultural communication and translation disciplines in higher education: collection of articles of the international scientific-practical conference of teachers, graduate students and students of universities.* Ekaterinburg: Ural Federal University; 2012. P. 174-181. (In Russ.). Available at: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/87107>
17. Tian Yunzong, Xiao Jiugen. Chinese abbreviation compounding methods and abbreviation mechanism. *Bulletin of Jiangxi Normal University. Philosophy and Social Science Edition.* 2006;39(6):36-41. (In Chinese). <https://doi.org/10.3969/j.issn.1000-579X.2006.06.007>.
18. Xiang xiansheng. Analysing the application procedure for disability benefits in China. *Henan Social Science.* 2011;19(06):80-82. (In Chinese). <https://doi.org/10.3969/j.issn.1007-905X.2011.06.018>.
19. Komissarov V.N. Translation Theory (Linguistic Aspects). Moscow: Vysshaya shkola; 1990. 253 p. (In Russ.).
20. Ozhegov S. I. Explanatory Dictionary of the Russian Language: About 100,000 words and phraseological expressions. Moscow: AST: Mir i Obrazovanie; 2024. 736 p. (In Russ.).

Сведения об авторе / Information about the Author

Ван Лу, аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: W-luluer@yandex.ru, ORCID: 0009-0009-8595-9870

Wang Lu, Postgraduate Student of the Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, e-mail: W-luluer@yandex.ru, ORCID: 0009-0009-8595-9870